

О ХРИСТИАНСКОМЪ МАКСИМАЛИЗМЪ *)

(ПУТИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ).

Завершившійся теперь отрывъ подавляющаго большинства русской эмиграціи отъ Русской Церкви не является событіемъ чисто формальнаго характера, какимъ его многіе стремятся представить и себѣ и другимъ: онъ знаменуетъ собою нѣчто глубокое и показательное.

Отрывъ этотъ давно подготовлялся и назрѣвалъ внутренно. Больше того: онъ въ сущности фактически всегда существовалъ, лишь прикрываясь чисто внѣшнимъ, номинальнымъ единеніемъ съ Русскою Церковью.

Внутреннее назрѣваніе этого отрыва, его неизбежность лучше всего подтверждаются тѣмъ подавляющимъ въ эмигрантской массѣ безразличіемъ, съ которымъ она отнеслась къ событію не только громаднаго духовнаго, но и церковно историческаго значенія.

Когда корабли, нагруженные бѣлыми войсками и толпами бѣженцевъ уходили на чужбину отъ русскихъ береговъ, люди видѣвшіе, а тѣмъ болѣе пережившіе этотъ «исходъ», долго не могли забыть испытаннаго ими при этомъ потрясенія, по крайней мѣрѣ они до сихъ поръ печатно и устно съ волненіемъ о немъ вспоминаютъ...

Было очевидно и несомнѣнно, что не просто они уходятъ на чужія территоріи, но *покидаютъ родину*. И надо думать, что при всей суетѣ и паникѣ момента, при инстинктивномъ стремленіи скрыться отъ наступающей опасности, при волнующей заботѣ какъ-то зацѣпиться въ моментъ катастрофы за прочную ниточку существованія и не быть раздавленнымъ маховымъ колесомъ исторіи — при всемъ этомъ мучительно ныла душа...

*) Редакція «Пути» должна остаться нейтральной въ церковной распрѣ послѣдняго времени и потому она даетъ возможность высказаться противоположнымъ точкамъ зрѣнія. Р е д .

Правда, тогда совершалось нечто очевидное для каждого, совершалось оно во внѣшнемъ дѣйстви, въ движеніи; и требовало отъ всѣхъ вмѣстѣ и отъ всякаго въ отдѣльности максимальнаго напряженія ума, чувства, воли.

То, что совершается, вѣрнѣе совершилось вотъ теперь, на нашихъ глазахъ, въ спокойно сѣрыхъ будняхъ уже осѣдлой и освоившейся со своимъ изгнаніемъ эмиграціи, по внутреннему смыслу ничуть не меньше отчаливанія переполненныхъ кораблей отъ южно-русскихъ береговъ.

И однако впечатлѣніе такое, точно камень упалъ въ воду: булькнулъ, пронизавъ неподвижную ея поверхность и гдѣ то въ одномъ мѣстѣ пошли, чуть зазыбились расходящіеся круги... Все осталось по прежнему: ровно тягучая невозмутимо ползеть эмигрантская жизнь. Въ церковномъ своемъ укладѣ и настроеніи она очень напоминаетъ прежній «благочестивый» бытъ до-революціонной синодальной Россіи: были храмы, было духовенство, были праздники и торжественный звонъ... Кто руководилъ Церковью? Какъ она жила и боролась съ бюрократически-полицейскимъ гнетомъ государства? Кто побѣждалъ, кто покорно сдавалъ всѣ позиціи «Кесарю»? Кто изнывалъ подъ тяжестью казенщины оберъ-прокуроровъ и консисторій? Вѣровалъ или только суевѣрно и по инерціи держался какихъ-то обычаевъ народъ? и т. д.

Эти вопросы не возникали.

«...Въ какой церкви будете у заутрени?...» «Гдѣ заказывали куличи?..» «Какихъ пѣвчихъ Н. приглашаютъ на свадьбу?..» — Такими «интересами» исчерпывалась «религіозная жизнь» очень широкихъ патріотически-охранительно настроенныхъ круговъ прежняго русскаго общества.

Церковь въ сущности была для нихъ «последнее дѣло», деталь архитектурная того сложнаго цѣлага, которое называлось зданіемъ Россійской Имперіи. По церемоніалу она, Церковь часто и даже очень часто выдвигалась на передній планъ, но только по церемоніалу, по вѣрности традиціямъ, въ родѣ того, какъ священника, пришедшаго на домъ совершать требу, сажали за столomъ на почетное мѣсто «по случаю», а внѣ случаевъ не только его къ себѣ въ домъ не звали, никакъ имъ не интересовались, но даже опредѣленно считали не *с o m m e i l f a u t* «водить знакомство съ попами».

За эту ложь своего декоративно показнаго благочестія Россія поплатилась не меньше, чѣмъ за идейное безбожіе интеллигентскихъ массъ...

И вдругъ въ разгаръ революціи (прежде отодвинутая куда-то «на задворки») Церковь явила свою силу. Когда въ ката-

строфическомъ безсиліи все разваливалось, Она одна стала организовываться и перестраивать свои ряды.

При Временномъ Правительствѣ еще, когда въ министерствахъ, въ общественныхъ комитетахъ, на знаменитомъ предпарламентскомъ съѣздѣ въ Москвѣ раздавались только истерическіе вопли безсильно краснорѣчивыхъ «протестовъ», Она созвала Помѣстный Соборъ и на Соборѣ планомѣрно ставила, обсуждала и рѣшала важнѣйшіе вопросы.

Когда вся общественность наша разлетѣлась на подобіе одуванчика и лишь кучки мальчиковъ-юнкеровъ пытались отстаивать основы русской государственности, въ упоръ разстреливаемые изъ пушекъ большевиками, Церковь, подъ громъ пальбы возстановила Патріаршество, выбрала и вѣнчала въ разбитомъ орудіями Кремлѣ своего избранника на Патріаршій Престолъ. Она все время что-то дѣлала и строила, какъ будто ни на что не взирая, не поддаваясь общей паникѣ и растерянности, ни на минуту не отступая отъ своего долга.

Она одна. И она одна только не собралась никуда уходить, бѣжать, устраивать «диверсіи». Правда изъ среды Ея отдѣльные представители ушли то за бѣлыми арміями, то за гражданскими бѣженскими массами, подхваченные общимъ потокомъ... Но то были въ большинствѣ своемъ осколки. Осколковъ оказалось много. Они отпадали отъ тѣла Церковнаго при каждомъ наносимомъ ему ударѣ, при каждомъ новомъ потрясеніи. Въ процессѣ отбора духовныхъ силъ неизбѣжно должны были отдѣлиться всѣ некрѣпкія частицы и разсыпаться въ разныя стороны отъ эмиграціи до разныхъ видовъ обновленчества включительно. Но дѣло было не въ нихъ, а въ сердцевинѣ церковной, въ живомъ и животворящемъ, творческомъ ядрѣ Русскаго Православія.

Это ядро въ моментъ великой русской смуты и общаго распада не только не распалось и не размѣнялось на мелочи различныхъ политическихъ фронтовъ и партійныхъ ориентировокъ, но сознало себя ядромъ Россіи, ея неистребимаго никакой революціей духовнаго существа, стражемъ ея неумирающей души.

Вѣра въ непобѣдимую творчески обновляющуюся и обновляющую религіозную мощь русскаго народа, только эта вѣра могла дать руководящей Русской церковной іерархіи силу остаться на своемъ корню.

Черезъ всѣ этапы утонченно варьировавшихся пріемовъ церковныхъ гоненій и самага звѣрскаго террора высшая іерархія Русской Церкви пронесла эту динамику своего стоянія въ самомъ жерлѣ вулкана и динамику вѣры и долга:

«Что бы ни случилось, мы никуда не уйдемъ. Не уйдемъ отсюда, отъ нашего согрѣшившаго народа; шагу не сдѣлаемъ

съ нашей залитой кровью земли. Пусть надъ Россіей поднимаются какіе угодно флаги, пусть въ ней водворяется какой угодно соціально-политическій строй, мы все же будемъ вѣрить, что народъ духовно не погибъ, что ему нуженъ Христосъ и онъ, этотъ на половину утонувшій въ окаянствѣ, народъ, Христу, спасающему грѣшниковъ, тоже нуженъ, необходимъ». — Вотъ, что безъ словъ за всѣ годы революціи своимъ упорнымъ стояніемъ на стражѣ русской души говорила наша Церковь. И чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе и убѣдительнѣе, тѣмъ настойчивѣе она это твердила: «Пусть надѣнутъ на насъ каторжныя цѣпи, пусть русская жизнь во всемъ уподобится преисподней, мы и въ преисподней будемъ проповѣдывать «единое на потребу», хотя бы насъ залили потоками хулы, презрѣнія, клеветническихъ оскорбленій.»

Вотъ именно этого-то отношенія Русской Церкви къ революціонно-коммунистической Россіи эмиграція и не поняла и не почувствовала.

Можно увѣренно сказать, что энергія христіанскаго восхожденія Русской Церкви развивалась и нарастала пропорціонально эмигрантскому охлажденію къ Ея подвигу. И въ тотъ самый моментъ, когда Церковь Русская въ напряженіи безграничнаго самопожертвованія и величайшей любви еще разъ подтвердила: «Мы съ грѣшниками, съ мытарями, съ разбойниками, съ бѣсноватыми, съ заблудшими, чтобы и ихъ спасти и за нихъ молиться — подавляющее большинство православныхъ эмигрантовъ отвѣтило Ей (вѣрнѣе за нихъ немногіе отвѣтили, а они равнодушно промолчали): «Мы слѣдовать по этому пути не хотимъ».

И порвалась нить. Хотя бы даже призрачная, символическая, но и ея нѣтъ. Кругъ замкнулся, процессъ эмиграціи завершился:

Сначала уходъ съ русской территоріи, вынужденное физическое разлученіе съ тѣломъ Россіи, потомъ внутреннее добровольное отреченіе отъ Россіи, отъ ея души.

Ибо, если душа Россіи не въ Церкви ея (275 епископовъ, сонмы клириковъ и милліоны вѣрующихъ), то гдѣ же она?

Разлилась по мелкимъ ручейкамъ «оппозиціонныхъ церквочниковъ» и сектантскихъ новообразованій?

Но, если такъ, то, значить, и Русской Церкви не существуетъ больше какъ единаго Тѣла, оно разложилось какъ трупъ? Значить, подвигъ исповѣдниковъ, кровь мучениковъ были напрасной жертвой, которую, вопреки всѣмъ евангельскимъ обѣтованіямъ, поглотили «врата адовы» безбожной материалистической силы?

На этотъ вопросъ не можетъ быть трехъ отвѣтовъ, а только два: «да» или «нѣтъ».

Если «да», если Церковь, какъ живой и цѣльный организмъ,

въ Россіи исчезла и только отдѣльныя клѣтки его гдѣ то и какъ то искусственно дышатъ пока, то вѣдь это уже агонія, конецъ... Смерть наступила?!

«Ибо всѣ мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло...» «тѣло же не изъ одного члена, но изъ многихъ.

«Если нога скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу потому что я не рука; то неужели она потому не принадлежитъ къ тѣлу?

«И если ухо скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не глазъ; то неужели оно потому не принадлежитъ къ тѣлу?

Если все тѣло глазъ, то гдѣ же слухъ? Если все слухъ, то гдѣ обоняніе?

Но Богъ расположилъ члены, каждый въ *составъ* тѣла, какъ Ему было угодно.

А если бы всѣ были одинъ членъ, то гдѣ было бы тѣло?» (Первое къ Коринѳе, XII, 13-20).

Но, каковъ бы ни былъ отвѣтъ большинства эмиграціи на этотъ вопросъ, выводъ въ обоихъ случаяхъ получается достаточно печальный:

Жива ли Русская Церковь и мы самовольно оторвались отъ живого Ея тѣла, умираетъ ли она, раздробленная и задушенная, — фактъ глубочайшаго безразличія къ Ея судьбамъ на глазахъ у всѣхъ насъ. И въ этомъ безразличіи приговоръ намъ: за безразличіе, за отреченіе — *отлученіе*: «... извергну тебя изъ устъ Моихъ. Ибо ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды; а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ» (Апок. III, 16-17).

Моментъ отреченія (съ одной стороны) и запрещенія (съ другой) поразителенъ по остротѣ столкновенія двухъ различныхъ міровоззрѣній: узко практическаго (черезъ призму политической оцѣнки событій), псевдо-православнаго и очищенно христіанскаго, отличающаго вѣчныя цѣнности отъ временныхъ.

Прошло десять или одиннадцать лѣтъ съ момента ухода 1/150 части русскихъ людей въ «чужіе края», и вотъ по обѣ стороны русскаго рубежа рѣзко стоятъ другъ противъ друга антиподы. *Здѣсь и тамъ; мы и они*, за малымъ исключеніемъ съ обѣихъ сторонъ, — раздѣлены бездной и говорятъ на разныхъ языкахъ. Одни языкомъ «гражданскихъ свободъ» гражданскаго достоинства» въ духѣ «идеаловъ государственнаго и общественнаго правопорядка» (конечно, съ крѣпкимъ привкусомъ понятій и мѣрокъ вчерашняго дня), другіе — непонятнымъ здѣсь языкомъ евангельскихъ и апостольскихъ установокъ. Относительное и условное сталкивается съ безотносительнымъ и безусловнымъ.

Тамошній языкъ здѣсь непонятенъ, потому что тамошній путь здѣсь «не вмѣстимъ». Отсюда мы видимъ *и хотимъ видѣть*

только однѣ развалины и съ ужасомъ кричимъ о «мерзости запустѣнія на мѣстѣ святѣ...»

Государство разрушено? Да. Соціально-экономическій хаосъ вихремъ крутитъ всю страну? Да. Грубѣйшій матеріализмъ — официальная религія? Да. Безбожіе — основа общественнаго воспитанія? Да. Множество храмовъ осквернено и разрушено? Да. Все населеніе въ плѣну и подѣ надзоромъ ГПУ? Да... О чемъ же разговаривать? Какая связь можетъ быть у *свободныхъ съ рабами?! И какое безуміе помыслить о томъ, чтобы изъ тюрьмы кто-то и въ чемъ-то руководилъ живущими на волѣ?!!*

Конечно, только *мы* во всеоружіи своихъ силъ и только *мы* ходимъ «въ свѣтѣ», а *они* — въ параличѣ и во мракѣ.

Можно ли спорить противъ «очевидности»?

Въ планѣ «Кесарева» начала нельзя, ибо это начало ничего кромѣ очевиднаго и физически осязаемаго и не охватываетъ. Но въ планѣ Божіемъ даже и спорить не приходится, приходится принимать безъ спора.

Ап. Павелъ былъ въ тюрьмѣ и изъ тюрьмы училъ. Всѣ главные апостолы были «во узахъ» и строили Церковь, Ею руководили: «Мы отовсюду притѣсняемы, но не стѣснены; мы въ отчаянныхъ обстоятельствахъ, но не отчиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаемъ». (Второе Коринѣ. IV, 8-9) «Посему мы не унываемъ: но, если внѣшней нашъ чело-вѣкъ и тлѣеть, то внутренній со дня на день обновляется» (Ів., 16).

Для *насъ* слова Павловы — только «писаніе», хотя и священное, почитаемая по традиціи «буква», для *нихъ* — дѣйствительная жизнь. Для *насъ* Церковь въ зданіяхъ храмовъ, въ нестѣсненности богослуженій, церковная *свобода* наша основана исключительно на нашей «гражданской свободѣ», ея измѣряется и ей пропорціонально соотвѣтствуетъ, не больше того.

У *нихъ* всѣ измѣренія иныя, внѣ нашихъ осязаемыхъ плоскостей, а потому и свобода иная, не стѣсняемая никакими узами, отъ узъ независящая.

Мы и *они* въ разныя стороны смотримъ, по разному измѣряемъ и взвѣщиваемъ и, конечно, разное видимъ.

Въ нашихъ политическихъ замыслахъ и расчетахъ *имъ* съ *нами* не то что не по пути, а просто нечего дѣлать вмѣстѣ, ибо ихъ устремленность иная.

Но въ этомъ столкновеніи двухъ міровоззрѣній русскаго тамошняго и зарубежнаго, здѣшняго, становятся передъ нами не только два различныхъ уровня духовной высоты, не только двѣ различныхъ степени устремленности къ вѣчному, но и два совершенно не похожихъ другъ на друга подхода къ временному.

Каждый христіанинъ знаетъ, что міръ «преходитъ», но по-

ка онъ въ этомъ преходящемъ мірѣ живетъ и дѣйствуетъ, онъ долженъ установить къ міру свое отношеніе.

Древне-русское благочестіе разрѣшало проблему отношенія къ міру чисто негативнымъ путемъ: т. к. «міръ во злѣ лежитъ», то лучше всего отъ міра уйти, чтобы не утонуть въ его грѣхахъ! Лучше о немъ совсѣмъ забыть и, затворившись въ кельѣ, спасти душу. Но величайшіе русскіе подвижники подходили къ этой проблемѣ нѣсколько иначе. Уходя отъ грѣха, затворяясь въ полномъ уединеніи иногда на очень долгій срокъ въ цѣляхъ духовнаго самовоспитанія, они до конца міромъ не пренебрегали изъ любви христіанской къ человѣку, изъ участія, любовью продиктованнаго, къ судьбѣ человѣческаго общества. Дѣятельная ихъ любовь шла по двумъ путямъ: по пути христіанской миссіи среди язычниковъ (Св. Стефанъ Пермскій) и по пути учительства, обращеннаго уже къ вѣрующимъ, учительства, иногда направленнаго въ сторону борьбы съ проявленіемъ политической и соціальной несправедливости (Св. Кириллъ Бѣлозерскій).

Русскіе святые древняго періода (Кіевскаго и Московскаго) не ставили на разрѣшеніе проблемы специальной справедливости во всемъ ея объемѣ, потому что постановка ея вообще еще въ мірѣ не назрѣла, но очень знаменательно, что въ міру монашескомъ, идеально стремящемся къ удаленію отъ общечеловѣческаго грѣха, эта проблема у насъ была уже поставлена въ XV вѣкѣ преп. Ниломъ Сорскимъ.

Но какъ бы ни заслоняли въ вѣкахъ замѣчательной личности преп. Нила Сорскаго, она была и есть исключительное явленіе нашей церковной жизни и нашей духовной культуры. Явленіе не случайное, какъ можно думать, а нѣчто предзнаменующее.

Разсматривая изъ зарубежнаго далека путь Русской Церкви въ современныхъ намъ условіяхъ Совѣтской Россіи, нельзя не поставить совершенно опредѣленно вопроса о томъ, какъ относится Русская Церковь къ революціи.

Къ сожалѣнію, русской эмиграціи свойствененъ только одинъ подходъ ко всему вообще сложному комплексу внѣшнихъ событій и внутреннихъ процессовъ современной русской жизни, а именно: способствуетъ или не способствуетъ данное явленіе скорѣйшему паденію политической власти большевиковъ.

Что происходитъ въ огненномъ хаосѣ Россіи, какія нити рвутся, какія появляются вновь; какія новыя формы человѣческихъ отношеній могутъ въ концѣ концовъ родиться, хотя бы и въ «болѣзняхъ», изъ той трагической ломки, которая совершается сейчасъ на протяженіи одной шестой земного міра? — Такой вопросъ массу не занимаетъ.

Ученый минерологъ можетъ изучать движеніе и давленіе

атмосферъ, а обывателю лишь необходимо справиться по барометру, нужно ли, выходя изъ дому, брать съ собой зонтикъ...

И вотъ совершенно такъ же, «по барометру» поверхностной информации большинство изъ насъ слѣдитъ за движеніемъ церковной стрѣлки въ СССР: направо или налево, къ политической «контръ-революціи» или къ «политическому «примиренчеству» (или «соглашательству» — любимое слово...).

... Первые посланія Патріарха Тихона, потомъ его «завѣщаніе»... Тюремное заключеніе Митр. Сергія, потомъ его Указъ о «лояльности»... Потомъ другіе указы, еще болѣе «ужасные»... «Ясно», что стрѣлка движется налево... Слѣдовательно, Церковь не работаетъ на паденіе большевистской власти...

Отступила отъ Христа?

Отступила отъ «контръ-революціи» въ самомъ узкомъ, прямомъ и единственно нужномъ для эмиграціи смыслѣ этого слова.

А такъ какъ отступленіе отъ «контръ-революціи» или вѣрность ей — вопросъ для эмиграціи *первостепенный*, то вопроса о вѣрности Христу не приходится въ голову ставить.

И не приходится въ голову попеченіе о душахъ, ибо принято разсуждать такъ: сначала уничтожить власть, а потомъ уже «на досугъ» и «на свободѣ» спасать души и, конечно, при самой активной помощи государственнаго аппарата, покровительствующаго Церкви, какъ «въ доброе старое время»...

Программа болѣе чѣмъ ясна, а оцѣнка «линіи поведенія» русскихъ церковныхъ властей вытекаетъ изъ нея, какъ неизбежное слѣдствіе...

Правда, программа колеблется «отъ» и «до». Отъ реставраціи прежней самодержавной монархіи до буржуазно-демократической республики со всѣми атрибутами *священныхъ* правовыхъ основъ — собственности и капитала.

Когда преп. Ниль заговорилъ о недопустимости владѣнія имуществомъ для монастырей, его обвинили чуть что не въ ереси и ссылались на прошлое и на право однихъ дары дѣлать, а другихъ дары принимать, но ни онъ, ни послѣдователи его этими доводами не смутились.

Русская эмиграція, да и не она одна, а, можетъ быть, кое-кто и въ самой Россіи мечтаютъ о возвращеніи нашего отечества къ социальнo-экономическому строю «всѣхъ культурныхъ странъ»... Пусть будетъ Церковь для молитвы и утѣшенія, какъ во всѣ времена; а вся остальная дѣятельность для «житейскаго попеченія»... Старая Московская Русь не смущалась пропастью между идеалами аскетическими и дѣйствительной жизнью: застѣнокъ и храмъ: постъ и «посулы», и доносы; христіанское смиреніе и мѣстничество, и обращеніе человѣка въ кабальнаго «холопа».... «Иосифляне» мирились съ контрастомъ: почти что

обожествляя верховную власть и освящая существующій порядокъ вещей, сладко и назидательно говорили о молитвѣ, о поклонахъ, о соблюденіи устава вообще; съ умиленіемъ наставляли, какъ крылышкомъ обметать иконы и обтирать ихъ губкой, какъ курить ладаномъ въ комнатахъ («Домострой») — соблюдать во всемъ «чинъ» и благообразіе... И получалась видимость благочестиваго царства, а подъ нею изнанка дикаго насилія, невѣжества, жестокости, грубой алчности, полнѣйшаго попиранія образа Божія въ человѣкѣ и удушливо невыносимыхъ семейныхъ отношеній....

Старо-московскіе устои подъ ударами Петровской дубинки ломались какъ весенній ледъ... Приверженцы старины, конечно, вздыхали, но, вздыхая, гнулись и покорно подставляли свои бороды подъ царскія ножницы... О чемъ они больше вздыхали: объ оскверняемомъ ли «всещутѣйшими соборами» древнемъ благочестіи или о разрушеніи своего лѣниво неподвижнаго быта?

Во всякомъ случаѣ, если бы благочестіе было корнемъ и основой цѣльной внутренней жизни высшихъ слоевъ тогдашняго общества, то оно не уступило бы такъ легко даже и петровскому напору, оно не растеряло бы такъ быстро своихъ духовныхъ цѣнностей и не докатилось бы къ царствованію Екатерины до обезьяняго подражанія всему европейскому... Вольнодумные «петиметры» того времени, въ головы которыхъ «вольтеріанство» проникало непосредственно изъ пудренныхъ париковъ (за недоступностью этимъ головамъ другихъ источниковъ), развѣ они въ какомъ то смыслѣ не были далекими предтечами нашихъ безграмотныхъ марксистовъ и нашихъ неумытыхъ безбожниковъ?

Если легкость разрушенія старой Руси мы будемъ объяснять повальной пассивностью русской природы вообще, то куда же тогда придется отнести все наше старообрядчество, пронесшее свое двуперстіе черезъ пытки, костры и ссылки? Старообрядчество устояло на корню, потому что оно пронизывало жизнь до конца, а не было ея поверхностной облицовкой.

Съ Петра Россія пошла по путямъ чисто западныхъ исканій и интересовъ, внѣ Церкви и помимо Церкви, которой предписывалось лишь благословлять и поддерживать земныя цѣли земного государства, не подвергая никакому обсужденію его социальныя политическія основы. У Церкви было отнято даже старое право «печалованія» за обвиняемыхъ и замѣнено обязанностью сопровождать приговоренныхъ къ эшафоту. Всякія проявленія церковной общественности были задушены даже въ предѣлахъ приходоу. Кругъ дѣятельности рядоваго духовенства ограничивался соверщеніемъ богослуженій и отправленіемъ требъ. Наши, прежде запертые во внѣ богослужебное время, храмы какъ бы символизировали собою, что за порогомъ

церковнымъ начинается иная жизнь, не допускающая вмѣшательства въры въ дѣла человѣческія...

И не удивительно, что горячія русскія головы стали учиться активной любви къ ближнему у западныхъ социалистовъ, что наши аскеты-народники прежде всего отрекались отъ Бога и ратовали противъ Церкви...

Западный міръ уже давнымъ давно сталъ устраиваться безъ Бога и внѣ Бога, но строительство это дальше буржуазно-капиталистическихъ достижений не пошло. Дальше пошла лишь классовая ненависть, которая, раскаляясь и накапливая пары разрушительной злобы, въ нашу эпоху угрожающе открыла огнедышащую пасть передъ фронтомъ всего цивилизованнаго міра.

Россія первая оказалась залита кипящей лавой. Капиталистически наименѣ развитая страна, она стала авангардомъ воинствующаго коммунизма и, объявивъ войну капиталу, стерла въ порошокъ всѣ основы своего народнаго хозяйства.

Разгромъ Россіи совершился съ жуткой легкостью и быстротой. Почему?

Многіе склонны объяснить катастрофу Россіи невѣжествомъ и отсталостью ея народа. Едва ли это объясненіе вполнѣ правильно. Приходитъ въ голову возможность допустить иное толкованіе побѣды большевизма:

Въ самомъ характерѣ русскомъ лежитъ тотъ максимализмъ, та безудержность и безбрежность, которыя могутъ сообщить всякому русскому движенію совершенно головокружительный размахъ.

Конечно, невѣжество въ удачѣ революціи сыграло большую вспомогательную роль, но не на немъ былъ основанъ ея стихійный разливъ, а вотъ на этомъ карамазовскомъ темпераментѣ, который самъ себѣ не знаетъ предѣла. Развѣ образъ Мити Карамазова не есть въ какомъ-то отношеніи образъ русскаго народа?

Митя «порядочный человѣкъ» и корректный офицеръ, великодушно выносящій Катеринѣ Ивановнѣ три тысячи; и Митя съ мѣднымъ пестикомъ въ рукахъ, готовый убить родного отца и проламывающій голову старому слугѣ; и Митя въ Мокромъ среди цыганъ, едва отерщій окрававленные руки, чтобы разбрасывать ими деньги Катерины Ивановны; Митя заносчивый и жалкій; дерзкій и кроткій; «Митя бурбонъ», грубіанъ, минутами почти преступникъ и Митя способный покорно взять и нести крестъ, способный плакать, каяться, любить. Такіе, какъ Митя, могутъ жечь иконы и со слезами молиться, идти потомъ въ крестномъ ходу; они способны, ради опьянившей ихъ «инфернальной» идеи, взорвать цѣлую страну и затѣмъ покаянно рыдать надъ ея развалинами... Но, пройдя длинный и мучительный путь, они

уже никогда не вернуться къ изначальному своему прошлому, ибо слишкомъ обширный хотя и страшный опытъ все же обогащаетъ...

«Митиному началу» русскаго народа привита была революція и она разгорѣлась, запылала по-карамазовски, обнаживъ всѣ бездны самой страшной «достоевщины». Преступленіе самое низменное и самый крайній утопическій идеализмъ переплетались въ ней нераздѣльно. И она бушуетъ. И сколько времени еще будетъ бушевать мы не знаемъ. Но во всякомъ случаѣ она уже никогда не принесетъ Россію въ ея прежнее русло, потому что въ этой революціи сгоритъ и переплавится все — и старое, разрушенное, и новое, насильственно насаждаемое государственнымъ коммунизмомъ.

Революція бушуетъ передъ лицомъ Церкви, которая тоже оказалась оторванной отъ всѣхъ національно-историческихъ своихъ путей. И объ вмѣстѣ—Церковь и Россія,—въ силу безумнаго напряженія совѣтскаго гнета и террора, оказались оторванными отъ всего остального міра. Точно на заброшенномъ островѣ посреди океана. Какъ будто нѣтъ уже больше связей ни съ вчерашнимъ днемъ своей собственной сожженной исторіи, ни съ сегодняшнимъ днемъ всего остального человѣчества. Полная изоляція.

И, благодаря этой изоляціи и разрушенію прошлаго, несмотря на весь дикій гнетъ режима, мысль въ Россіи въ какомъ-то отношеніи приобрѣтаетъ максимальную независимость. Она освобождена отъ гипноза всѣхъ существующихъ въ мірѣ общественно бытовыхъ и социальнo - экономическихъ установокъ.

Конечно, именно христіанская мысль въ Россіи независима. Она объемлетъ хаосъ: безформенныя груды развалинъ и такія же безформенныя груды новаго строительнаго матеріала. Передъ нею или кадры революціи — толпы очумѣлыхъ Ивановъ-непомнящихъ — или вѣрующіе — «чающіе Царствія Божія», — у которыхъ совершенно атрофированы, *отболтали* всѣ нити, связывавшія ихъ съ ихъ прежнимъ положеніемъ въ жизни. Навыки, инстинкты классовые, сословные, собственническіе... Развѣ, внѣ совѣтской «знати» всѣхъ ранговъ и внѣ хищниковъ тайнаго нэп'а, есть всему этому мѣсто въ Россіи?

Очень скоро, въ первые еще годы военнаго коммунизма, мало мальски мыслящіе и вѣрующіе въ Россіи именно какъ-то обнажились отъ житейской чешуи, стали надъ всѣми прежними перегородками и тяготѣніями. (Характерно, что категорія «бывшихъ» очень быстро исчезла въ Россіи и особенно крѣпко держится въ эмиграціи). Это явилось первымъ шагомъ къ внутреннему освобожденію. Подобно тому, какъ человѣкъ не спрашивалъ, даже мысленно, другого — «къмъ вы были вчера?», такъ же

онъ пересталъ и себя страшивать: «когда я получу то, что у меня отняли?»

Каждый, отъѣзжая или отплывая отъ дома, отъ города, отъ берега, сначала смотритъ назадъ, пока то, на что онъ смотритъ, не скроется изъ вида, а затѣмъ уже начинаетъ смотрѣть впередъ. И отъ этой устремленности взгляда назадъ или впередъ зависитъ душевное состояніе человѣка: чувство ущемленности, связанности и чувство свободы, хотя и горькой, даже мучительной, но свободы.

Говоря короче: у людей, живущихъ въ совѣтской Россіи, по сравненію со всѣми остальными людьми, *измѣнилась психологія, измѣнилась оцѣнка вещей.*

Несомнѣнно какой-то процентъ просто одичалъ, но у кого-то очень расширились горизонты, пробудились *совѣсть новые интересы.* Черезъ заслонку коммунистической витрины не видно глубинной русской жизни, но она есть и она очень интенсивна. Жизнь религіозная и мысль религіозная. До насъ сюда доходятъ очень немногіе отзвуки темъ, вопросовъ, направленій рукописно полуподпольной тамошней литературы, почти исключительно религіозно-философской по содержанію. И отъ духа этой религіозной жизни и отъ духа этого религіозно-философскаго творчества съ его проблематикой вѣетъ атмосферой совершенно другого міра.

Въ этомъ мірѣ отношеніе къ русской революціи и въ частности къ большевистскому коммунизму во многомъ иное, чѣмъ по сю сторону совѣтскаго рубежа. Иное отношеніе и къ міру буржуазно - капиталистическому.

Христіанская мысль въ Россіи далека отъ того, чтобы разсматривать русскую революцію только какъ политическую и социальную-экономическую катастрофу, устранимую чисто физической силой организованной контръ-революціи.

Революція совершилась провиденціально, она допущена была волей Божественнаго Промысла. Она — слѣдствіе нашего грѣха. Слѣдовательно, она требуетъ отъ насъ и сугубаго покаянія.

Такова основная мысль вѣрующихъ въ Россіи. Но ея дальнѣйшее теченіе развивается не у всѣхъ одинаково. Внутри самой Русской Церкви одно время довольно рѣзко столкнулись два воспріятія революціи (при чемъ одно изъ нихъ и составило такъ называемую «оппозицію Митр. Сергію», «оппозицію», теперь очень незначительную).

Кровавая бурность русской революціи, ея неистовое гоненіе на Церковь, на религію вообще, мучительный гнетъ жизни и ея катастрофически бѣдственные условія у многихъ вызвали чувство духовной паники. Молніей вспыхнула мысль о *концѣ міра.* На протяженіи нашей исторіи эта мысль получала распро-

страненіе не одинъ разъ. Эсхатологическія настроенія, можетъ быть, особенно свойственны русской вѣрующей душѣ въ силу пассивности и покорности русской природы...

Длительность самого процесса революціи однимъ, болѣе сильнымъ, дала возможность оглядѣться и побороть въ себѣ чувство этой духовной паники, у другихъ она его обострила.

...Россія умираетъ. Наступалъ всему конецъ, ибо Антихристъ уже явился въ мірѣ, ополчился прежде всего на Россію и ея Церковь во образѣ совѣтской власти... А если такъ, то исторія кончилась и роль Церкви на землѣ кончилась; Церковь должна уйти въ подполье и тамъ ждать второго пришествія Христа. — Вотъ въ общихъ чертахъ оцѣнка переживаемой нами эпохи опредѣленной группой православныхъ въ Россіи.

Такая оцѣнка должна была неизбежно привести къ идейному противленію той церковной власти, которая, не считая исторію Россіи и міра вообще закончившейся, не считала себя въ правѣ уходить въ подполье.

...Власть совѣтская — власть Антихриста; — коммунисты — подлинное воплощеніе бѣсовской силы...

...Коммунизмъ со всѣми его неистовствами — лишь прорвавшійся нарывъ нашихъ грѣховъ, слѣдствіе нашего преступленія и наше наказаніе. Противъ грѣха нужно бороться силой Христовой любви и правды, силой молитвы и обновляющаго покаянія. Тогда грѣхъ будетъ побѣжденъ, ибо Господь повѣлѣваетъ и легіонами бѣсовъ.

Таковы двѣ различныхъ тезы, но ни одна изъ нихъ не сближается съ эмигрантскимъ подходомъ къ революціи. Эмиграція охотно утверждаетъ, что русскій коммунизмъ есть явленіе Антихриста, но съ мыслью о концѣ міра никакъ не хочетъ примириться: довольно непослѣдовательно, но очень настойчиво она твердитъ, что Антихристъ *можетъ и долженъ быть изгнанъ*, дабы все опять вернулось въ русло «нормальной жизни»... Вотъ въ этомъ вопросѣ, что такое «нормальная жизнь», — *мы и они*, т. е. разсуждающіе здѣсь и дѣйствующіе тамъ, сойтись и понять другъ друга никакъ не можемъ.

Русская Церковь разсматривала и разсматриваетъ больше вистскую революцію съ двухъ сторонъ, различаетъ въ ней два момента:

Злую человѣческую волю, докатившуюся до бездны грѣха, и дѣйствіе Высшаго Промысла, которое по причинамъ, намъ невѣдомымъ, попускаетъ насиліе, разрушеніе и мучительныя страданія милліоновъ людей.

Противъ грѣха Церковь возставала и возстаетъ, но не путемъ физическаго противленія, а противоположеніемъ грѣху христіанской правды и праведности.

Высшей Волѣ Церковь покоряется и, въ силу этой покор-

ности, принимает даже злую власть, как *промыслительное Божіе попущеніе*, подобно тому, как ап. Петръ принималъ власть Нерона (Перв. Посл. II, 13-17).

И, вѣруя въ конечныя цѣли Промысла, какъ въ цѣли благія, созидательныя, Церковь не должна и не можетъ поддаваться паникѣ, памятуя другія слова Ап. Петра: «Возлюбленные! огненнаго искушенія, для испытанія вамъ посылаемаго, не чуждайтесь... только не пострадалъ бы кто изъ васъ, какъ убійца, или воръ, или злодѣй, или какъ посягающій на чужое, а если какъ христіанинъ, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь... Итакъ страждующіе по волѣ Божіей да предадутъ Ему, какъ вѣрному Создателю, души свои, дѣлая добро» (Перв. Посл. IV, 12-19).

Христіанство, разграничивая только добро и зло, путь чистый и путь грѣховный, никогда не устанавливало и не можетъ устанавливать ни политическихъ, ни социальнo-экономическихъ нормъ жизни. Принадлежитъ ли фабрика собственнику-капиталисту, принадлежитъ ли она государству или союзу рабочихъ — по существу для христіанства это не имѣетъ значенія, ибо «Духъ дышетъ гдѣ хочетъ» и пути спасенія различны и многообразны, но для Церкви земной, полной заботы и участія къ человѣку; стремящейся облегчить ему его путь, конечно, не безразлично, въ какихъ условіяхъ живетъ человѣкъ. Если онъ поработенъ существующимъ строемъ жизни, если его духовная личность цѣликомъ плѣнена заботами «вѣка сего», то христіанская Церковь не можетъ быть къ этому совершенно равнодушна.

Цѣль Церкви — спасти каждую душу, а для этого приходится желать, чтобы личность не была превращаема въ личинку.

Когда преп. Ниль Сорскій писалъ свое «преданіе ученикамъ о жительствѣ скитскомъ», то онъ говорилъ исключительно о духовныхъ достиженіяхъ христіанскаго идеала, однако это ему не помѣшало въ другомъ случаѣ высказаться противъ стяжанія, какъ противъ препятствія къ внутреннему совершенствованію.

Точно такъ же и Церковь, ни при какихъ условіяхъ не отступая отъ своего прямого пасторскаго дѣла, можетъ сочувствовать и не сочувствовать тому или иному социальнo-экономическому строю, какъ облегчающему или затрудняющему духовный ростъ общества.

И вотъ съ этой точки зрѣнія возвращеніе Россіи въ «нормальное» русло буржуазно-капиталистическаго строя не можетъ быть рассматриваемо, какъ наилучшій выходъ изъ кроваваго хаоса коммунистической классової диктатуры. Капиталистическій строй не есть спасеніе и лѣкарство отъ большевистскаго насилія уже хоть бы по одному тому, что именно этотъ строй приковалъ человѣческую мысль къ служенію «Маммонѣ» (ак-

тивному-стяжающему или пассивно-порабощенному), обоже- ствиль матеріальное начало, средство превратиль въ цѣль и все творческое напряженіе челоѣчества направиль въ сторону устроенія жизни внѣ Бога и безъ Бога. Карамазовское начало русскаго природнаго максимализма не захотѣло мириться съ медленнымъ процессомъ эволюціи и бросилось на расправу съ капиталомъ путемъ революціи.

Но изнанка, какъ оказалось, мало чѣмъ способна отличатся отъ лица: русскій безбожный коммунизмъ, уничтоживъ классъ собственниковъ, превратиль самое государство въ капиталистическаго дракона, питающагося челоѣческимъ мясомъ.

Проблема социальной справедливости оказалась неразрѣ- щенной.

Злая воля еще продолжаетъ дѣйствовать, она еще цѣликомъ пока владѣетъ тѣломъ Россіи. Хорошая христіанская воля еще скована. Но она растетъ и крѣпнетъ, накапливая силы для созиданія на развалинахъ.

А Церковь неуклонно продолжаетъ свое служеніе: Она утверждаетъ вѣрующихъ и ведетъ миссію среди одичавшихъ безбожниковъ, ибо и они Ей не безразличны.

Отсюда мы упрекаемъ Русскую Церковь въ «соглашатель- ствѣ», въ «приспособляемости». Это упрекъ неразумный и злой. Да, Церковь приспособляется. Но къ кому и къ чему?

Приспособляется къ духовному состоянію того народа, среди котораго она ведетъ свою миссію. *Христіанская миссія невозможна безъ любви*. Не всякій можетъ быть миссіонеромъ, но настоящій посланникъ Христовой правды не побоится даже людоѣдовъ. Мы, люди средняго и ниже средняго духовнаго уровня, не способны не только любить, но и выносить людоѣдовъ, да еще «цивилизованныхъ», да еще захватившихъ власть въ на- шемъ собственномъ отечествѣ. А Церковь способна. И Она ихъ выносить, Она ихъ жалѣетъ, Она не хочетъ на нихъ никому жало- ваться. Она не призываетъ никакую внѣшнюю силу для ихъ истребленія, Она стремится къ обращенію и спасенію ихъ. Если не всѣхъ, то многихъ, ставшихъ жертвой повальнаго всероссійскаго грѣха. И что замѣчательно — Она вѣруетъ въ то, что для насъ кажется безумнымъ и невозможнымъ, ибо Она, Церковь, *знаетъ*, что «невозможное челоѣку возможно Бо- гу».

И вотъ въ этой отправной точкѣ сужденій и дѣйствій передъ лицомъ революціонной Россіи и начинается расхожденіе двухъ міросозерцаній — *здѣшняго и тамошняго*.

Мы проклинаяемъ, — они молятся. Мы мечтаемъ объ истреб- леніи врага, они — о его просвѣщеніи свѣтомъ Христовымъ. Мы въ негодованіи взываемъ къ людямъ — они взываютъ толь- ко къ Богу, а люди даже отказываются рассказать о своихъ

страданіяхъ. Путь Русской Церкви, сугубо «узкій» и «тѣсный», труденъ необыкновенно. Онъ требуетъ величайшаго напряженія силъ, ибо *Церковь противопоставила максимализму материалистическому максимализму христіанскій*.

Въ мірѣ, «во злѣ лежащемъ», эпохи сравнительнаго внѣшняго благополучія обычно бываютъ эпохами духовной вялости. Вялость же и равнодушна и снисходительна (отъ равнодушія). Духовный подъемъ знаменуетъ эпоху восхожденій и преодоленій. Церковь воинствующая, ополчающая всѣ свои силы на борьбу съ грѣхомъ, въ періоды усиленной борьбы властно требуетъ подвига отъ всѣхъ, кто стоитъ въ Ея рядахъ. Христосъ, снисходительный къ мытарямъ и грѣшникамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ будто не зналъ пощады для призванныхъ: : пусть мертвые погребаютъ своихъ мертвецовъ, пусть, положившій руку на плугъ, не оборачивается назадъ, ибо онъ «не надеженъ для Царствія Божія», пусть каждый, ищущій этого Царствія «отвержется себѣ, возьметъ крестъ свой и ко Мнѣ грядетъ». Кроткій Учитель говоритъ опредѣленно, что кто не оставитъ отца и мать, жену и дѣтей тотъ не достоинъ Его...

Требованія такъ велики, что смущенные ученики почти что въ ужасѣ спрашиваютъ: «Кто же можетъ спастись?» Но Христосъ не требуетъ отъ грѣшнаго міра безгрѣшности. Онъ требуетъ горѣнія и готовности идти, прощая паденія на пути.

Церковь Русская внутри Россіи требуетъ отъ всѣхъ единства духа, единства пониманія высшихъ задачъ церковнаго служенія. Она «выравниваетъ свои ряды» и совершаетъ строгій отборъ.

Это Ея неотъемлемое право.

Отъ «внѣлежащихъ» Она требовала гораздо меньшаго: «Если вы со Мною, то не мѣшайте Мнѣ. Если вы не можете жалѣть и любить, какъ я, то не проповѣдуйте ненависти. И не ищите лукаво и злобно обходныхъ тропинокъ, когда я хочу слѣдовать по пути, указанному самимъ Христомъ».

При нашихъ многократныхъ попыткахъ самонадѣяннаго противленія, Она многократно же насъ и увѣщевала: «Знаю твои дѣла; ты не холоденъ, ни горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ или горячъ!»... «Совѣтую тебѣ купить у Меня золото, огнемъ очищенное, чтобы Тебѣ обогатиться, и бѣлую одежду, чтобы одѣться и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и главною мазью помажь глаза твои, чтобы видѣть (Апокалип. III, 18).

Мы не увидѣли, потому что были и суть увѣрены въ зоркости нашихъ глазъ. Мы увѣрены въ нашемъ богатствѣ, въ бѣлизнѣ и пышности нашихъ одеждъ.

Наконецъ, мы отказались повиноваться нашей Церкви, убѣдивъ себя въ томъ, что въ Царствіе Божіе въ вѣчности и въ очищенную и спасенную Россію въ жизни временной можно бу-

детъ пройти не «узкимъ» и «тѣснымъ» путемъ тягостнаго подвига, коьорымъ насъ обязывала и связывала наша Церковь, а щирокими хорошо проторенными, а главное безпрепятственно свободными, дорогами...

Должна ли Она была предоставить намъ право искать «облегченное христіанство», которое не возлагаетъ на вѣрующихъ «бремена неудобоносимыя»?

По-человѣчески разсуждая — да. Монахъ, грубо нарушившій свое «послушаніе», пусть уходитъ изъ монастыря, ибо «какъ гражданинъ» онъ совершенно свободенъ, Но, съ точки зрѣнія христіанскаго руководства и спасенія, открыть ему двери обители, — значитъ толкнуть его еще къ большому грѣху.

Когда мы собрались идти «по большой дорогѣ», Церковь не могла намъ сказать, поскольку Она считала частью своего тѣла, — «идите на всѣ четыре стороны!»

Воинствующая противъ «грѣха міра сего», которымъ именно мы то и поработаны въ высшей степени, она положила на насъ печать тяжкаго осужденія.

Это не расправа и отомщеніе, а толчокъ для пробужденія религіознаго сознанія и, руководимой этимъ сознаніемъ, *доброй* человѣческой воли.

У христіанина сознаніе просыпается и пріобрѣтаетъ особую зоркость и ясность отъ покаянія; зоркость и ясность высшаго порядка, раскрывающую внутренній смыслъ вещей:

«Кого Я люблю, Того обличаю и наказываю. Итакъ, будь ревностенъ и покайся» (Апокалип., III, 19).

Христіанскій максимализмъ Русской Церкви насъ, живущихъ въ условіяхъ западнаго міра, застигъ врасплохъ. Мы оказались «не въ брачныхъ одеждахъ». Насколько бы мы ни были русскими по природѣ своей, мы не можемъ (почти не можемъ) сопротивляться теченію, которое несло насъ до революціи еще въ Россіи и которое несетъ насъ теперь. Западный міръ, культурой котораго мы на девять десятыхъ были вспоены и вскормлены еще у себя дома, теперь дышетъ на насъ своимъ дыханіемъ, держитъ насъ своими руками, измѣряетъ нашу жизнь своими мѣрками... Отъ жерла раскаленнаго вулкана мы ушли и пристали къ «тихимъ берегамъ».

...Богъ... Родина... Русь грѣшная и святая... Размахъ маятника отъ бездны до небесъ... Дьяволъ весь въ крови, кровь теплую облизываетъ, папирску объ человѣческое тѣло гаситъ и гогочетъ при этомъ бездумно и нагло весело... Мученикъ, весь свѣтящійся улыбкой любви, благословляющую руку поднимаетъ на палачей и мелкими крестиками креститъ разъяренныя нечеловѣческія рожи...

Рабочій, «по наряду» разрушающій храмъ, и рабочій, отдаю-

щій свои гроши на постройку новаго храма... Дѣти-звѣреныши, которые жадно жуютъ совѣтскую булку и радостно поютъ гнусно-кощунственный гимнъ; и безпризорные оборвыши-подонки, которые, воровато проскользнувъ въ Церковь, на краденныя деньги покупаютъ свѣчку и тихонько плачутъ и молятся передъ иконой.....

И нѣтъ конца контрастамъ. И все это *только тамъ*, въ неопостижимой этой странѣ, которая называется Россіей, которая въ чемъ-то пала ниже каннибаловъ и поднялась въ чемъ-то до Апостольской высоты.

Максимализму грѣха противопоставила максимализмъ святости. Максимализму ненависти — максимализмъ любви...

А мы, за рубежомъ, въ среднихъ плоскостяхъ, въ «умѣренномъ климатѣ»...» Обрывки воспоминаній, ощущеній и переживаній, оттуда унесенныхъ, гаснутъ, если не погасли совсѣмъ... При томъ же палачи нами больше примѣчались чѣмъ святыя...

Насъ здѣсь окружаетъ все «благоустроенное», «благонамѣренное», все «на основахъ права и порядка», хотя и безъ Бога. Бога здѣсь не преслѣдуютъ, не «судятъ», какъ тамъ «судили» — съ пѣной у рта, съ налитыми кровью глазами... Здѣсь Богъ и вѣра — «частное дѣло cadaго», а всѣ вмѣстѣ въ вопросахъ государственнаго, общественнаго, хозяйственнаго и общекультурнаго строительства прекрасно обходятся безъ Бога.

Россія судьбой своей многому давно противилась и сейчасъ противится: въ странѣ экономически отсталой вдругъ социальная революція; дикія красныя полчища совѣтовъ должны были разбѣжаться подъ натискомъ отборныхъ добровольческихъ войскъ, а они побѣдили; мужики должны были возстать всѣ поголовно при одномъ словѣ «колхозы», а они не возстали; наконецъ Церковь, подъ гнетомъ ГПУ при остервенѣлой и повсемѣстной пропагандѣ безбожниковъ, давнымъ давно должна была бы исчезнуть, а Она стоитъ и укрѣпляется и одерживаетъ иной разъ самыя неожиданныя побѣды на самомъ враждебномъ фронтѣ.

Но не потому ли все это происходитъ, что *очевидность* и *истина* не суть синонимы?

Митя Карамазовъ оказался весь въ крови и съ неожиданными деньгами и въ дикомъ возбужденіи... И онъ былъ очевидный преступникъ и судъ его осудилъ, но убійство совершилъ не онъ.

Русскій большевизмъ во всемъ его нарастаніи и развитіи, во всѣхъ его чудовищно-нелѣпыхъ изломахъ понять очень трудно.

Христіанскій максимализмъ Русской Церкви, со всѣми его будто бы суровыми мѣрами, понять, а главное *принять* еще труднѣе. Но не принять, значить уйти отъ Россіи, отказаться отъ ея судьбы и эмигрировать до конца.

Жестокой карой Русская Церковь «эмигрировавшихъ до

конца» призываетъ вернуться, хотя бы издали, на тернистый искупительный путь Россіи...

Какъ вернуться? Люди отъ прошлаго особенно крѣпко прирасли къ Западу, духовно усыновились ему. Западъ имъ понятнѣе и ближе жуткой ихъ родины, непостижимо опозоренной и непостижимо величественной...

И ползеть, углубляется трещина. Раздѣляются люди. Раздѣленіе это трагично, какъ все русское. И нельзя трагическаго превращать въ злобный водевиль — надо его нести, какъ крестъ.

Всей столбомъ поднявшейся пылью негодующихъ упрековъ и оскорбительныхъ подозрѣній по адресу Русской Церкви трещину не засыпать: это борозда, проведенная нащей русской судьбой.

М. Курдюмовъ.